

Николай Семенович Лесков

Жемчужное ожерелье

Глава первая

В одном образованном семействе сидели за чаем друзья и говорили о литературе - о вымысле, о фабуле. Сожалели, отчего все это у нас беднеет и бледнеет. Я припомнил и рассказал одно характерное замечание покойного Писемского, который говорил, будто усматриваемое литературное оскудение прежде всего связано с размножением железных дорог, которые очень полезны торговле, но для художественной литературы вредны.

«Теперь человек проезжает много, но скоро и безобидно, - говорил Писемский и оттого у него никаких сильных впечатлений не набирается, и наблюдать ему нечего и некогда, - все скользит. Оттого и бедно. А бывало, как едешь из Москвы в Кострому «на долгих», в общем тарантасе или «на сдаточных», - да и ямщик-то тебе попадет подлец, да и соседи нахалы, да и постоялый дворник шельма, а «куфарка» у него неопрятище, - так ведь сколько разнообразия насмотришься. А еще как сердце не вытерпит, - изловишь какую-нибудь гадость во шах да эту «куфарку» обругаешь, а она тебя на ответ - вдесятеро иссрамит, так от впечатлений-то просто и не отделаешься. И стоят они в тебе густо, точно суточная каша преет, - ну, разумеется, густо и в сочинении выходило; а нынче все это по железнодорожному - бери тарелку, не спрашивай; ешь - пожевать некогда; динь-динь-динь и готово: опять едешь, и только всех у тебя впечатлений, что лакей сдачей тебя обсчитал, а обругаться с ним в свое удовольствие уже и некогда».

Один гость на это заметил, что Писемский оригинален, но неправ, и привел в пример Диккенса, который писал в стране, где очень быстро ездят, однако же видел и наблюдал много, и фабулы его рассказов не страдают скудостью содержания.

- Исключение составляют разве только одни его святочные рассказы. И они, конечно, прекрасны, но в них есть однообразие; однако в этом винить автора нельзя, потому что это такой род литературы, в котором писатель чувствует себя невольником слишком тесной и правильно ограниченной формы. От святочного рассказа непременно требуется, чтобы он был приурочен к событиям святочного вечера - от Рождества до Крещенья, чтобы он был сколько-нибудь фантастичен, имел какую-нибудь мораль, хоть вроде опровержения вредного предрассудка, и наконец - чтобы он оканчивался непременно весело. В жизни таких событий бывает немного, и потому автор неволит себя выдумывать и сочинять фабулу, подходящую к программе. А через это в святочных рассказах и замечается большая деланность и однообразие.

- Ну, я не совсем с вами согласен, - отвечал третий гость, почтенный человек, который часто умел сказать слово кстати. Потому нам всем и захотелось его слушать.

- Я думаю, - продолжал он, - что и святочный рассказ, находясь во всех его рамках, все-таки может видоизменяться и представлять любопытное разнообразие, отражая в себе и свое время и нравы.

- Но чем же вы можете доказать ваше мнение? Чтобы оно было убедительно, надо, чтобы вы нам показали такое событие из современной жизни русского общества, где отразился бы и век и современный человек, и между тем все бы это отвечало форме и программе святочного рассказа, то есть было бы и слегка фантастично, и искореняло бы какой-нибудь предрассудок, и имело бы не грустное, а веселое окончание.

- А что же? - я могу вам представить такой рассказ, если хотите.

- Сделайте одолжение! Но только помните, что он должен быть истинное происшествие!

- О, будьте уверены, - я расскажу вам происшествие самое истиннейшее, и притом о лицах мне очень дорогих и близких. Дело касается моего родного брата, который, как

вам, вероятно, известно, хорошо служит и пользуется вполне им заслуженною доброю репутациею.

Все подтвердили, что это правда, и многие добавили, что брат рассказчика действительно достойный и прекрасный человек.

- Да, - отвечал тот, - вот я и поведу речь об этом, как вы говорите, прекрасном человеке.

Глава вторая

Назад тому три года брат приехал ко мне на святки из провинции, где он тогда служил, и точно его какая муха укусила - приступил ко мне и к моей жене с неотступною просьбою: «Жените меня».

Мы сначала думали, что он шутит, но он серьезно и не с коротким пристаёт: «Жените, сделайте милость! Спасите меня от невыносимой скуки одиночества! Опостылела холостая жизнь, надоели сплетни и вздоры провинции, - хочу иметь свой очаг, хочу сидеть вечером с дорогою женою у своей лампы. Жените!»

- Ну да постой же, - говорим, - все это прекрасно и пусть будет по-твоему, - Господь тебя благослови, - женись, но ведь надобно же время, надо иметь в виду хорошую девушку, которая бы пришлась тебе по сердцу и чтобы ты тоже нашел у нее к себе расположение. На все это надо время.

А он отвечает:

- Что же - времени довольно: две недели святок венчаться нельзя, - вы меня в это время сосватайте, а на Крещение вечером мы обвенчаемся и уедем.

- Э, - говорю, - да ты, любезный мой, должно быть немножко с ума сошел от скуки. (Слова «психопат» тогда еще не было у нас в употреблении.) Мне, - говорю, - с тобой дурачиться некогда, я сейчас в суд на службу иду, а ты вот тут оставайся с моей женою и фантазируй.

Думал, что все это, разумеется, пустяки или, по крайней мере, что это затея очень далекая от исполнения, а между тем возвращаюсь к обеду домой и вижу, что у них уже дело созрело.

Жена говорит мне:

- У нас была Машенька Васильева, просила меня съездить с нею выбрать ей платье, и пока я одевалась, они (то есть брат мой и эта девица) посидели за чаем, и брат говорит: «Вот прекрасная девушка! Что там еще много выбирать - жените меня на ней!»

Я отвечаю жене:

- Теперь я вижу, что брат в самом деле одурел.

- Нет, позволь, - отвечает жена, - отчего же это непременно «одурел»? Зачем же отрицать то, что ты сам всегда уважал?

- Что это такое я уважал?

- Безотчетные симпатии, влечения сердца.

- Ну, - говорю, - матушка, меня на это не подденешь. Все это хорошо вовремя и кстати, хорошо, когда эти влечения вытекают из чего-нибудь ясно сознанного, из признания видимых превосходств души и сердца, а это - что такое... в одну минуту увидел и готов обрешетиться на всю жизнь.

- Да, а ты что же имеешь против Машеньки? - она именно такая и есть, как ты говоришь, - девушка ясного ума, благородного характера и прекрасного и верного сердца. Притом и он ей очень понравился.

- Как! - воскликнул я, - так это ты уж и с ее стороны успела заручиться признанием?

- Признание, - отвечает, - не признание, а разве это не видно? Любовь ведь - это по нашему женскому ведомству, - мы ее замечаем и видим в самом зародыше.

- Вы, - говорю, - все очень противные свахи: вам бы только кого-нибудь женить, а там что из этого выйдет - это до вас не касается. Побойся последствий твоего легкомыслия.

- А я ничего, - говорит, - не боюсь, потому что я их обоих знаю, и знаю, что брат твой - прекрасный человек и Маша - премилая девушка, и они как дали слово заботиться о счастье друг друга, так это и исполнят.

- Как! - закричал я, себя не помня, - они уже и слово друг другу дали?

- Да, - отвечает жена, - это было пока иносказательно, но понятно. Их вкусы и стремления сходятся, и я вечером поеду с твоим братом к ним, - он, наверно, понравится старикам, и потом...

- Что же, что потом?

- Потом - пускай как знают; ты только не мешайся.

- Хорошо, - говорю, - хорошо, - очень рад в подобную глупость не мешаться.

- Глупости никакой не будет.

- Прекрасно.

- А будет все очень хорошо: они будут счастливы!

- Очень рад! Только не мешает, - говорю, - моему братцу и тебе знать и помнить, что отец Машеньки всем известный богатый сквалыжник.

- Что же из этого? Я этого, к сожалению, и не могу оспаривать, но это нимало не мешает Машеньке быть прекрасною девушкой, из которой выйдет прекрасная жена. Ты, верно, забыл то, над чем мы с тобою не раз останавливались: вспомни, что у Тургенева - все его лучшие женщины, как на подбор, имели очень непочтенных родителей.

- Я совсем не о том говорю. Машенька действительно превосходная девушка, а отец ее, выдавая замуж двух старших ее сестер, обоих зятьев обманул и ничего не дал, - и Маше ничего не даст.

- Почему это знать? Он ее больше всех любит.

- Ну, матушка, держи карман шире: знаем мы, что такое их «особенная» любовь к девушке, которая на выходе. Всех обманет! Да ему и не обмануть нельзя - он на том стоит, и состоянию-то своему, говорят, тем начало положил, что деньги в большой рост под залоги давал. У такого-то человека вы захотели любви и великодушия доискаться. А я вам то скажу, что первые его два зятя оба сами пройды, и если он их надул и они теперь все во вражде с ним, то уж моего братца, который с детства страдал самую утрированную деликатностью, он и подавно оставит на бобах.

- То есть как это, - говорит, - на бобах?

- Ну, матушка, это ты дурачишься.

- Нет, не дурачусь.

- Да разве ты не знаешь, что такое значит «оставить на бобах»? Ничего не даст Машеньке, - вот и вся недолга.

- Ах, вот это-то!

- Ну, конечно.

- Конечно, конечно! Это быть может, но только я, - говорит, - никогда не думала, что по-твоему - получить путную жену, хотя бы и без приданого, - это называется «остаться на бобах».

Знаете милую женскую привычку и логику: сейчас - в чужой огород, а вам по соседству шпильку в бок...

- Я говорю вовсе не о себе...

- Нет, отчего же?..

- Ну, это странно, *ma chere!*¹

- Да отчего же странно?

- Оттого странно, что я этого на свой счет не говорил.

- Ну, думал.

- Нет - совсем и не думал.

- Ну, воображал.

- Да нет же, черт возьми, ничего я не воображал!

---

¹ Моя дорогая (франц.)

- Да чего же ты кричишь?!
- Я не кричу.
- И «черти»... «черт»... Что это такое?
- Да потому, что ты меня из терпения выводишь.
- Ну вот то-то и есть! А если бы я была богата и принесла с собою тебе приданое...
- Э-ге-ге!..

Этого уже я не выдержал и, по выражению покойного поэта Толстого, «начав - как бог, окончил - как свинья». Я принял обиженный вид, - потому, что и в самом деле чувствовал себя несправедливо обиженным, - и, покачив головою, повернулся и пошел к себе в кабинет. Но, затворяя за собою дверь, почувствовал неодолимую жажду отмщения - снова отворил дверь и сказал:

- Это свинство!
- А она отвечает:
- Mersi, мой милый муж.

Глава третья

Черт знает, что за сцена! И не забудьте - это после четырех лет самой счастливой и ничем ни на минуту не возмущенной супружеской жизни!.. Досадно, обидно - и непереносно! Что за вздор такой! И из-за чего!.. Все это набаламутил брат. И что мне такое, что я так кипячусь и волнуюсь! Ведь он в самом деле взрослый, и не вправе ли он сам обсудить, какая особа ему нравится и на ком ему жениться?.. Господи - в этом сыну родному нынче не укажешь, а то, чтобы еще брат брата должен был слушаться... Да и по какому, наконец, праву?.. И могу ли я, в самом деле, быть таким провидцем, чтобы утвердительно предсказывать, какое сватовство чем кончится?.. Машенька действительно превосходная девушка, а моя жена разве не прелестная женщина?.. Да и меня, слава богу, никто негодяем не называл, а между тем вот мы с нею, после четырех лет счастливой, ни на минуту ничем не смущенной жизни, теперь разобрались, как портной с портничихой... И все из-за пустяков, из-за чужой шутовской прихоти...

Мне стало ужасно совестно перед собою и ужасно ее жалко, потому что я ее слова уже считал ни во что, а за все винил себя, и в таком грустном и недовольном настроении уснул у себя в кабинете на диване, закутавшись в мягкий ватный халат, выстеганный мне собственными руками моей милой жены...

Подкупающая это вещь - носильное удобное платье, сработанное мужу жениными руками! Так оно хорошо, так мило и так вовремя и не вовремя напоминает и наши вины и те драгоценные ручки, которые вдруг захочется расцеловать и просить в чем-то прощения.

- Прости меня, мой ангел, что ты меня, наконец, вывела из терпения. Я вперед не буду.

И мне, признаться, до того захотелось поскорее идти с этой просьбой, что я проснулся, встал и вышел из кабинета.

Смотрю - в доме везде темно и тихо.

Спрашиваю горничную:

- Где же барыня?

- А они, - отвечает, - уехали с вашим братцем к Марьи Николаевны отцу. Я вам сейчас чай приготовлю.

«Какова! - думаю, - значит, она своего упорства не оставляет, - она таки хочет женить брата на Машеньке... Ну пусть их делают, как знают, и пусть их Машенькин отец надует, как он надул своих старших зятьев. Да даже еще и более, потому что те сами жохи, а мой брат - воплощенная честность и деликатность. Тем лучше, - пусть он их надует - и брата и мою жену. Пусть она обожжется на первом уроке, как людей сватать!»

Я получил из рук горничной стакан чаю и уселся читать дело, которое завтра начиналось у нас в суде и представляло для меня немало трудностей.

Занятие это увлекло меня далеко за полночь, а жена моя с братом возвратились в два часа и оба превеселые.

Жена говорит мне:

- Не хочешь ли холодного ростбифа и стакан воды с вином? а мы у Васильевых ужинали.

- Нет, - говорю, - покорно благодарю.

- Николай Иванович расщедрился и отлично нас покормил.

- Вот как!

- Да - мы превесело провели время и шампанское пили.

- Счастливицы! - говорю, а сам думаю: «Значит, эта бестия, Николай Иванович, сразу раскусил, что за теленок мой брат, и дал ему пойма недаром. Теперь он его будет ласкать, пока там жениховский рученец кончится, а потом - быть бычку на обрывочку».

А чувства мои против жены снова озлобились, и я не стал просить у нее прощенья в своей невинности. И даже если бы я был свободен и имел досуг вникать во все перипетии затеянной ими любовной игры, то не удивительно было б, что я снова не вытерпел бы - во что-нибудь вмещался, и мы дошли бы до какой-нибудь психозы; но, по счастью, мне было некогда. Дело, о котором я вам говорил, заняло нас на суде так, что мы с ним не чаяли освободиться и к празднику, а потому я домой являлся только поесть да выспаться, а все дни и часть ночей проводил пред алтарем Фемиды.

А дома у меня дела не ждали, и когда я под самый сочельник явился под свой кров, довольный тем, что освободился от судебных занятий меня встретили тем, что пригласили осмотреть роскошную корзину с дорогими подарками, подносимыми Машеньке моим братом.

- Это что же такое?

- А это дары жениха невесте, - объяснила мне моя жена.

- Ага! так вот уже как! Поздравляю.

- Как же! Твой брат не хотел делать формального предложения, не переговорив еще раз с тобою, но он спешит своей свадьбой, а ты, как назло, сидел все в своем противном суде. Ждать было невозможно, и они помолвлены.

- Да и прекрасно, - говорю, - незачем было меня и ждать.

- Ты, кажется, остришь?

- Нисколько я не острю.

- Или иронизируешь?

- И не иронизирую.

- Да это было бы и напрасно, потому что, несмотря на все твое карканье, они будут пресчастливы.

- Конечно, - говорю, - уж если ты ручаешься, то будут... Есть такая пословица: «Кто думает три дни, тот выберет злыдни». Не выбирать - вернее.

- А что же, - отвечает моя жена, закрывая корзинку с дарами, - ведь это вы думаете, будто вы нас выбираете, а в существе ведь все это вздор.

- Почему же это вздор? Надеюсь, не девушки выбирают женихов, а женихи к девушкам сватаются.

- Да, сватаются - это правда, но выбора, как осмотрительного или рассудительного дела, никогда не бывает.

Я покачал головою и говорю:

- Ты бы подумала о том, что ты такое говоришь. Я вот тебя, например, выбрал - именно из уважения к тебе и сознавая твои достоинства.

- И врешь.

- Как вру?!

- Врешь - потому что ты выбрал меня совсем не за достоинства.

- А за что же?

- За то, что я тебе понравилась.

- Как, ты даже отрицаешь в себе достоинства?

- Нимало - достоинства во мне есть, а ты все-таки на мне не женился бы, если бы я тебе не понравилась.

Я чувствовал, что она говорит правду.

- Однако же, - говорю, - я целый год ждал и ходил к вам в дом. Для чего же я это делал?

- Чтобы смотреть на меня.

- Неправда - я изучал твой характер.

Жена расхохоталась.

- Что за пустой смех!

- Нисколько не пустой. Ты ничего, мой друг, во мне не изучал, и изучать не мог.

- Это почему?

- Сказать?

- Сделай милость, скажи!

- Потому, что ты был в меня влюблен.

- Пусть так, но это мне не мешало видеть твои душевные свойства.

- Мешало.

- Нет, не мешало.

- Мешало, и всегда всякому будет мешать, а потому это долгое изучение и бесполезно.

Вы думаете, что, влюбившись в женщину, вы на нее смотрите с рассуждением, а на самом деле вы только глазете с воображением.

- Ну... однако, - говорю, - ты уж это как-то... очень реально.

А сам думаю: «Ведь это правда!»

А жена говорит:

- Полно думать, - худа не вышло, а теперь переодевайся скорее и поедем к Машеньке: мы сегодня у них встречаем Рождество, и ты должен принести ей и брату свое поздравление.

- Очень рад, - говорю. И поехали.

Глава четвертая

Там было подношение даров и принесение поздравлений, и все мы порядочно упились веселым нектаром Шампани.

Думать и разговаривать или отговаривать было уже некогда. Оставалось только поддерживать во всех веру в счастье, ожидающее обрученных, и пить шампанское. В этом и проходили дни и ночи то у нас, то у родителей невесты.

В этакое настроение долго ли время тянется?

Не успели мы оглянуться, как уже налетел и канун Нового года. Ожидания радостей усиливаются. Свет целый желает радостей, - и мы от людей не отстали. Встретили мы Новый год опять у Маменькиных родных с таким, как деды наши говорили, «мочимордием», что оправдали дедовское речение: «Руси есть веселие пити». Одно было не в порядке. Машенькин отец о приданом молчал, но зато сделал дочери престранный и, как потом я понял, совершенно непозволительный и зловещий подарок. Он сам надел на нее при всех за ужином богатое жемчужное ожерелье... Мы, мужчины, взглянув на эту вещь, даже подумали очень хорошо.

«Ого-го, мол, сколько это должно стоить? Вероятно, такая штучка припасена с оных давних, благих дней, когда богатые люди из знати еще в ломбарды вещей не посылали, а при большой нужде в деньгах охотнее вверяли свои ценности тайным ростовщикам вроде Машенькиного отца».

Жемчуг крупный, окатистый и чрезвычайно живой. Притом ожерелье сделано в старом вкусе, что называлось рефидью, ряснами, - назади начато небольшим, но самым скатным кафимским зерном, а потом все крупней и крупнее бурмицкое, и, наконец, что далее книзу, то пошли как бобы, и в самой середине три черные перла поражающей величины и самого лучшего блеска. Прекрасный, ценный дар совсем затмевал сконфуженные перед ним дары моего брата. Словом сказать - мы, грубые мужчины, все

находили отцовский подарок Машеньке прекрасным, и нам понравилось также и слово, произнесенное стариком при подаче ожерелья. Отец Машеньки, подав ей эту драгоценность, сказал: «Вот тебе, доченька, штучка с наговором: ее никогда ни тля не истлит, ни вор не украдет, а если и украдет, то не обрадуется. Это - вечное».

Но у женщин ведь на все свои точки зрения, и Машенька, получив ожерелье, заплакала, а жена моя не выдержала и, улучив удобную минуту, даже сделала Николаю Ивановичу у окна выговор, который он по праву родства выслушал. Выговор ему за подарок жемчуга следовал потому, что жемчуг знаменует и предвещает слезы. А потому жемчуг никогда для новогодних подарков не употребляется.

Николай Иванович, впрочем, ловко отшутился.

- Это, - говорит, - во-первых, пустые предрассудки, и если кто-нибудь может подарить мне жемчужину, которую княгиня Юсупова купила у Горгубуса, то я ее сейчас возьму. Я, сударыня, тоже в свое время эти тонкости проходил, и знаю, чего нельзя дарить. Девушке нельзя дарить бирюзы, потому что бирюза, по понятиям персов, есть кости людей, умерших от любви, а замужним дамам нельзя дарить аметиста *avec fleches d'Amour*¹, но тем не мене я пробовал дарить такие аметисты, и дамы брали...

Моя жена улыбнулась. А он говорит:

- Я и вам попробую подарить. А что касается жемчуга то надо знать, что жемчуг жемчугу рознь. Не всякий жемчуг добывается со слезами. Есть жемчуг персидский, есть из Красного моря, а есть перлы из тихих вод - *d'eau douce*², тот без слезы берут. Сентиментальная Мария Стюарт только такой и носила *perle d'eau douce*, из шотландских рек, но он ей не принес счастья. Я знаю, что надо дарить, - то я и дарю моей дочери, а вы ее пугаете. За это я вам не подарю ничего *avec fleches d'Amour*, а подарю вам хладнокровный «лунный камень». Но ты, мое дитя, не плачь и выбрось из головы, что мой жемчуг приносит слезы. Это не такой. Я тебе на другой день твоей свадьбы открою тайну этого жемчуга, и ты увидишь, что тебе никаких предрассудков бояться нечего...

Так это и успокоилось, и брата с Машенькой после крещения перевенчали, а на следующий день мы с женою поехали навестить молодых.

Глава пятая

Мы застали их вставшими и в необыкновенно веселом расположении духа. Брат сам открыл нам двери помещения, взятого им для себя, ко дню свадьбы, в гостинице, встретил нас весь сияя и покатываясь со смеху.

Мне это напомнило один старый роман, где новобрачный сошел с ума от счастья, и я это брату заметил, а он отвечает:

- А что ты думаешь, ведь со мною в самом деле произошел такой случай, что возможно своему уму не верить. Семейная жизнь моя, начавшаяся сегодняшним днем, принесла мне не только ожидаемые радости от моей милой жены, но также неожиданное благополучие от тестя.

- Что же такое еще с тобою случилось?

- А вот входите, я вам расскажу.

Жена мне шепчет:

- Верно, старый негодяй их надул.

Я отвечаю:

- Это не мое дело.

Входим, а брат подает нам открытое письмо, полученное на их имя рано по городской почте, и в письме читаем следующее:

«Предрассудок насчет жемчуга ничем вам угрожать не может: этот жемчуг фальшивый».

---

¹ со стрелами Амура (франц.)

² из пресных вод (франц.)

Жена моя так и села.

- Вот, - говорит, - негодяй!

Но брат ей показал головою в ту сторону, где Машенька делала в спальне свой туалет, и говорит:

- Ты неправа: старик поступил очень честно. Я получил это письмо, прочел его и рассмеялся... Что же мне тут печального? я ведь приданого не искал и не просил, я искал одну жену, стало быть мне никакого огорчения в том нет, что жемчуг в ожерелье не настоящий, а фальшивый. Пусть это ожерелье стоит не тридцать тысяч, а просто триста рублей, - не все ли равно для меня, лишь бы жена моя была счастлива... Одно только меня озабочивало, как это сообщить Маше? Над этим я задумался и сел, оборотясь лицом к окну, а того не заметил, что дверь забыл запереть. Через несколько минут оборачиваюсь и вдруг вижу, что у меня за спиной стоит тесть и держит что-то в руке в платочке.

«Здравствуй, - говорит, - зятюшка!»

Я вскочил, обнял его и говорю:

«Вот это мило! мы должны были к вам через час ехать, а вы сами... Это против всех обычаев... мило и дорого».

«Ну что, - отвечает, - за счеты! Мы свои. Я был у обедни, - помолился за вас и вот просвиру вам привез».

Я его опять обнял и поцеловал.

«А ты письмо мое получил?» - спрашивает.

«Как же, - говорю, - получил».

И я сам рассмеялся.

Он смотрит.

«Чего же, - говорит, - ты смеешься?»

«А что же мне делать? Это очень забавно».

«Забавно?»

«Да как же».

«А ты подай-ка мне жемчуг».

Ожерелье лежало тут же на столе в футляре, - я его и подал.

«Есть у тебя увеличительное стекло?»

Я говорю: «Нет».

«Если так, то у меня есть. Я по старой привычке всегда его при себе имею. Изволь посмотреть на замок под собачку».

«Для чего мне смотреть?»

«Нет, ты посмотри. Ты, может быть, думаешь, что я тебя обманул».

«Вовсе не думаю».

«Нет - смотри, смотри!»

Я взял стекло и вижу - на замке, на самом скрытном месте микроскопическая надпись французскими буквами: «Бургильон».

«Убедился, - говорит, - что это действительно жемчуг фальшивый?»

«Вижу».

«И что же ты мне теперь скажешь?»

«То же самое, что и прежде. То есть: это до меня не касается, и вас только буду об одном просить...»

«Проси, проси!»

«Позвольте не говорить об этом Маше».

«Это для чего?»

«Так...»

«Нет, в каких именно целях? Ты не хочешь ее огорчить?»

«Да - это между прочим».

«А еще что?»

«А еще то, что я не хочу, чтобы в ее сердце хоть что-нибудь шевельнулось против отца».

«Против отца?»

«Да».

«Ну, для отца она теперь уже отрезанный ломоть, который к караваю не пристанет, а ей главное - муж...»

«Никогда, - говорю, - сердце не заезжий двор: в нем тесно не бывает. К отцу одна любовь, а к мужу - другая, и кроме того... муж, который желает быть счастливым, обязан заботиться, чтобы он мог уважать свою жену, а для этого он должен беречь ее любовь и почтение к родителям».

«Ага! Вот ты какой практик!»

И стал молча пальцами по табуретке барабанить, а потом встал и говорит:

«Я, любезный зять, наживал состояние своими трудами, но очень разными средствами. С высокой точки зрения они, может быть, не все очень похвальны, но такое мое время было, да я и не умел наживать иначе. В людей я не очень верю, и про любовь только в романах слышал, как читают, а на деле я все видел, что все денег хотят. Двум зятьям я денег не дал, и вышло верно: они на меня злы и жен своих ко мне не пускают. Не знаю, кто из нас благороднее - они или я? Я денег им не даю, а они живые сердца портят. А я им денег не дам, а вот тебе возьми да и дам! Да! И вот, даже сейчас дам!»

И вот извольте смотреть!

Брат показал нам три билета по пятидесяти тысяч рублей.

- Неужели, - говорю, - все это твоей жене?

- Нет, - отвечает, - он Маше дал пятьдесят тысяч, а я ему говорю:

«Знаете, Николай Иванович, - это будет щекотливо... Маше будет неловко, что она получит от вас приданое, а сестры ее - нет... Это непременно вызовет у сестер к ней зависть и неприязнь... Нет, бог с ними, - оставьте у себя эти деньги и... когда-нибудь, когда благоприятный случай примирит вас с другими дочерьми, тогда вы дадите всем поровну. И вот тогда это принесет всем нам радость... А одним нам... не надо!»

Он опять встал, опять прошелся по комнате и, остановившись против двери спальни, крикнул:

«Марья!»

Маша уже была в пеньюаре и вышла.

«Поздравляю, - говорит, - тебя».

Она поцеловала его руку.

«А счастлива быть хочешь?»

«Конечно, хочу, папа, и... надеюсь».

«Хорошо... Ты себе, брат, хорошего мужа выбрала!»

«Я, папа, не выбирала. Мне его бог дал».

«Хорошо, хорошо. Бог дал, а я придам: я тебе хочу прибавить счастья. - Вот три билета, все равные. Один тебе, а два твоим сестрам. Раздай им сама - скажи, что ты даришь...»

«Папа!»

Маша бросилась ему сначала на шею, а потом вдруг опустилась на землю и обняла, радостно плача, его колена. Смотрю - и он заплакал.

«Встань, встань! - говорит. - Ты нынче, по народному слову, «княгиня» - тебе неприлично в землю мне кланяться».

«Но я так счастлива... за сестер!..»

«То-то и есть... И я счастлив!.. Теперь можешь видеть, что нечего тебе было бояться жемчужного ожерелья. Я пришел тебе тайну открыть: подаренный мною тебе жемчуг - фальшивый, меня им давно сердечный приятель надул, да ведь какой, - не простой, а слитый из Рюриковичей и Гедиминовичей. А вот у тебя муж простой души, да истинной: такого надуть невозможно - душа не стерпит!»

- Вот вам весь мой рассказ, - заключил собеседник, - и я, право, думаю, что, несмотря на его современное происхождение и на его невымысленность, он отвечает и программе и форме традиционного святочного рассказа.